

Нужно ли добавлять, что самое употребление термина «дикари» в отношении современных индейцев или любой другой современной народности в научном и политическом отношении недопустимо?

Серьезная ошибка в трактовке материнско-родового строя допущена в учебнике истории СССР для VIII класса средней школы под редакцией проф. А. М. Панкратовой. «Первобытная община,—говорится здесь,—вначале не имела определенного состава и легко распадалась, между тем совместное ведение хозяйства требовало прочного и постоянного объединения. Однако люди того времени не знали постоянного брака. Дети были связаны только с матерью. Поэтому общественной ячейкой стала материнская семья. Несколько материнских семей составляли род...» (стр. 5). Таким образом, в качестве общественной ячейки слагающегося материнско-родового строя выступает здесь не род, а семья; семья здесь не выделяется в результате развития рода, а, напротив, дает начало самому роду. Такое изображение исторического процесса неправильно, оно идет в разрез со всей концепцией советской науки о первобытности.

В учебнике Е. А. Косминского «История средних веков» для VI—VII классов средней школы (изд. 1951 г.) вызывает недоумение характеристика общественных отношений у арабских племен накануне образования халифата: «У них господствовал родовой строй», пишет автор и тут же добавляет: «Внутри родов не было равенства, уже образовалась родовая знать. Были богачи, владевшие большими стадами, были бедняки, ничего не имевшие» (стр. 25). Совершенно очевидно, что в данном случае нужно говорить не о «господстве родового строя», а об его интенсивном разложении, его переходе в классовое общество.

Все приведенные нами примеры можно без особого труда умножить, однако в нашу задачу не может входить рецензирование учебников истории в их полном объеме. Приведенные факты в достаточной мере свидетельствуют о том, что при подготовке учебников истории следует значительно более широко и точно использовать этнографические данные, необходимые для всесторонней характеристики культуры и быта народов на различных этапах их исторического развития.

А. Першиц

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

П. П. Ефименко. *Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени*. Издание третье, переработанное и дополненное, Изд-во Академии наук Украинской ССР, Киев, 1953.

Вышедший двумя первыми изданиями в 1934 и 1938 гг. фундаментальный труд главы советской школы изучения палеолита П. П. Ефименко — «Первобытное общество» по праву принадлежит к крупнейшим достижениям советской археологической науки.

За 15 лет, прошедшие со времени выхода второго издания книги П. П. Ефименко, советская археологическая наука добилась новых выдающихся успехов. Было открыто и изучено большое число палеолитических поселений крупного научного значения. Достаточно назвать среди них шелльские местонахождения Армении и погребение неандертальца в Тешик-Таш, позволяющие совершенно по-новому ставить проблему первого появления человека на территории СССР. Вместе с тем за последние 15 лет были исследованы многие важные вопросы древнейшей истории человечества. Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», разоблачив псевдомарксизм построений Н. Я. Марра, поставила перед советскими историками первобытного общества задачи огромного значения, открыв вместе с тем широчайшие творческие перспективы.

Все это делало настоятельно необходимой переработку и переиздание давно разошедшегося и принесшего большую пользу труда П. П. Ефименко с тем, чтобы в новом издании были исправлены недостатки первых двух изданий и в то же время были бы обобщены и подытожены достижения советской исторической науки.

Институт археологии Академии наук Украинской ССР правильно поступил, выпустив рецензируемую книгу. Автор много поработал над ней, и новое издание, сохранив все достоинства первых двух, значительно отличается от них в лучшую сторону. В основе принадлежащей П. П. Ефименко характеристики развития палеолитического человечества лежит классическое определение первобытно-общинного строя, данное И. В. Сталиным в работе «О диалектическом и историческом материализме». П. П. Ефименко решительно отказался от марровской концепции кинетической речи и стадияльных сдвигов в развитии первобытного мышления, нашедших отражение во втором издании его книги (1938). В рецензируемой книге обстоятельно критикуются ошибки в области изучения палеолита, отражающие влияние концепций Марра и его последователей, а проблемы речи и мышления палеолитических людей рассматриваются на основе указаний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Рецензируемая книга выгодно отличается от второго издания также тем, что в ней гораздо большее место занимают материалы по палеолиту СССР. Это не лишает книгу ее обобщающего характера, не препятствует автору исследовать и изложить наряду с древнейшей историей СССР историю ранних этапов развития первобытного общества в целом. Характеризуя переработку, которой подверг П. П. Ефименко свою книгу для нового издания, следует еще отметить значительное сокращение специально геологических глав.

От этого книга как историко-археологическое исследование только выиграла. Наконец, **третье** издание снабжено именным, географическим и предметным указателями; отсутствие их в первых двух изданиях затрудняло пользование книгой.

В краткой рецензии невозможно, да и вряд ли целесообразно хотя бы конспективно изложить содержание фундаментальной книги. Мы остановимся на характерных особенностях книги и на некоторых принципиальных установках автора по коренным вопросам истории древнейшего человечества.

Название книги П. П. Ефименко шире ее содержания. Книга посвящена не всему первобытному обществу, а лишь истории его ранних этапов, и поэтому основана главным образом на археологических материалах, относящихся к древнему каменному веку. Но в то же время она не является археологическим руководством, которое можно было бы озаглавить «Палеолит» или, скажем, «Культура древнего каменного века». В своей книге П. П. Ефименко ставит и в той или иной мере решает большие проблемы истории первобытно-общинного строя: проблему становления человеческого общества, проблему первобытного стада, проблему происхождения матриархального родового строя, проблему зарождения религиозных верований и т. д. Поэтому я полагаю, П. П. Ефименко был прав, дав своей книге заглавие, даже несколько более широкое, чем ее содержание. Каждый, интересующийся историей первобытно-общинного строя, найдет в книге важный материал, отличный от того, какой можно было бы найти в специальном археологическом руководстве.

Большое значение имеет трактовка в рецензируемой книге вопроса о родине человечества. П. П. Ефименко утверждает (стр. 90), что процесс очеловечения имел место на обширной территории, иначе было бы трудно понять столь раннее появление шелльского человека на огромных пространствах всех трех материков Старого Света. Область расселения обезьяноподобных предков человека захватывала, кроме южной половины Азии, какую-то часть Африки и по крайней мере южные окраины Европы, в частности, очевидно, и территорию нашей страны, особенно Кавказ. Остановливаясь на широком распространении шелльских остатков, П. П. Ефименко высказывает уверенность, что остатки существа типа питекантропа будут в дальнейшем обнаружены на территории Европы и Африки (стр. 93). Такая постановка вопроса очень важна для каждого историка СССР, который теперь может опираться на авторитетные выводы П. П. Ефименко.

В течение последних двух десятилетий среди советских историков первобытного общества велись оживленные споры по вопросу о формах хозяйственной деятельности древнейших людей: занимались ли последние только собиранием растительной пищи и ловлей мелких животных или были также охотниками¹. В нескольких местах своей книги (стр. 15, 117, 118, 126) П. П. Ефименко рассматривает этот вопрос. Несмотря на некоторую нечеткость и противоречивость высказываний автора (особенно это заметно при сопоставлении стр. 15 и 126), им признается, что древнейшие люди шелльского времени типа питекантропов наряду с собирательством занимались случайной охотой на больших животных, что охота должна была играть важнейшую роль в самом процессе антропогенеза. Исследователи, оспаривавшие, что древнейшие люди занимались охотой, часто ссылались на мнение П. П. Ефименко. Теперь эти ссылки отпадают. Можно констатировать, что в результате прошедших многочисленных дискуссий среди подавляющего большинства советских ученых существует в настоящее время полное единство по вопросу о формах хозяйственной деятельности древнейших людей. Остались расхождения лишь по поводу датировки и интерпретации отдельных археологических памятников (Чжоу-коу-дзян, Торральба и др.).

Еще более сложным и дискуссионным является вопрос об общественной организации древнейших людей, о начальном этапе истории первобытно-общинного строя и о том, с какими археологическими эпохами синхронизируется этот этап. П. П. Ефименко исходит из ленинского определения древнейшего человеческого общества как первобытного стада. С эпохой первобытного стада он синхронизирует археологические памятники от шелльских до мустьерских включительно, но внутри этой большой эпохи в свою очередь выделяет два периода: собственно первобытное стадо (шелльский человек) и первобытную общину неандертальцев, внутри которой постепенно вызревают предпосылки перехода к родовому строю. Само возникновение матриархального родового строя автор связывает с переходом от мустьерской эпохи к позднему палеолиту, рассматривая этот переход, в согласии с основными положениями диалектического метода, как определенно выраженный перерыв постепенности, переход от одного состояния первобытного общества к другому (стр. 288, 304). Эпоху позднего палеолита автор рассматривает как эпоху возникновения рода, эпоху существования матриархальной родовой общины в ее ранних формах.

Такая постановка вопроса является, по нашему мнению, в своих основных чертах обоснованной фактическим материалом и справедливой. Напомнив в этой связи, что, главным образом в результате историко-археологических исследований П. П. Ефименко («Значение женщины в ориньякскую эпоху», 1931), было доказано наличие в позднем палеолите больших общинных жилищ и общинного домашнего хозяйства, а вместе

¹ См. В. П. Якимов, Ранние стадии антропогенеза, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 23.

с тем высокого общественного положения женщин. Наука не располагает подобными фактами для мустьерской эпохи. В частности, проведенные в 1952 г. С. Н. Замятинным в больших масштабах раскопки Сталинградской мустьерской стоянки показали, что это стойбище (как и ранее в меньших размерах раскопанные другие мустьерские охотничьи лагери) имеет совершенно иной характер, чем оседлые позднепалеолитические поселения. В настоящее время нет никаких фактов, свидетельствующих о важной хозяйственной роли и о высоком общественном положении женщин у неандертальцев, в то время как подобные твердо установленные факты есть для позднего палеолита. Поэтому П. П. Ефименко прав, синхронизируя возникновение рода с переходом от мустьерской эпохи к позднему палеолиту. Но при трактовке этих вопросов им допускается нечеткость и противоречивость. Последняя бросается в глаза даже при ознакомлении с оглавлением книги, где под одним и тем же названием («Первобытное стадо») фигурирует и вся первая часть, и одна из трех глав, входящих в состав этой первой части. Для читателя до конца остается не ясным, как трактует автор мустьерскую эпоху, эпоху существования неандертальцев: рассматривает ли он ее как последний этап развития первобытного стада или же выделяет две эпохи, предшествующие возникновению рода,— эпоху первобытного стада и эпоху первобытной общины неандертальцев. Последнее было бы ошибочно и шло бы в разрез с основным положением марксистско-ленинской истории первобытно-общинного строя о роде как основе всей первобытной истории. Несомненно, что такая нечеткость и противоречивость при трактовке важного вопроса затрудняет пользование книгой и оставляет читателя в недоумении. Правда, следует иметь в виду, что проблемы первобытного стада и возникновения рода являются одними из самых сложных и дискуссионных в советской науке о первобытном обществе. В советской литературе последних лет высказываются самые различные, иногда взаимоисключающие взгляды по этим вопросам. Незаработанность и дискуссионность проблемы, разрешение которой зависит от привлечения обширного этнографического и антропологического материала, в той же мере, как и археологического, несомненно сковывала автора рецензируемой книги.

Более половины книги П. П. Ефименко посвящено позднему палеолиту. Здесь содержится детальный анализ и историческое освещение таких ценнейших памятников первобытной культуры, открытых на территории СССР, как позднепалеолитические поселения Гагарино, Костенки I, Авдеево, Гонцы, Мальта, Афонтова гора и многие другие.

Трактовка П. П. Ефименко длительной и сложной истории позднепалеолитического человечества не имеет ничего общего с марровским вульгарным автохтонизмом. П. П. Ефименко останавливается на перекочевках и переселениях отдельных позднепалеолитических общин, на неравномерности развития техники и культуры, на постепенном заселении людьми ранее необитаемых территорий. В то же время П. П. Ефименко не рассматривает первобытное общество как царство хаоса и случайностей, как механический агрегат индивидов, возникающий и изменяющийся случайно. Изучая позднепалеолитические поселения и вещественные остатки, обнаруживаемые при их раскопках, резко выступая против попыток буржуазных ученых биологизировать процесс развития первобытной культуры, оторвать его от развития первобытного общества, П. П. Ефименко стремится проследить закономерность, последовательность в развитии первобытной техники и первобытного хозяйства. Конечно, было бы легче построить вторую часть рецензируемой книги в виде серии очерков, посвященных отдельным, наиболее выразительным позднепалеолитическим поселениям, описанию образа жизни и хозяйства обитателей последних. Но П. П. Ефименко не пошел по этому пути. Среди позднепалеолитических поселений Европейской части СССР им выделено 7 типов (стр. 315 и сл.), закономерно сменяющих друг друга во времени: памятники раннетельманского типа, позднетельманского, костенковского, мезинского, кирилловского, гонцовского и, наконец, борщевского или журавского типа. Первые три типа памятников объединяются в группу, характеризующую раннюю пору позднего палеолита. Следующие три типа характеризуют его позднюю пору. Памятники же борщевского или журавского типа завершают поздний палеолит. И в дальнейшем изложении П. П. Ефименко всюду стремится проследить, как более древние поселения сменяются более поздними, как древнейшие обитатели территории СССР от более примитивных технических приемов и орудий постепенно переходили к более совершенным, как люди все в большей и большей степени овладевали окружающей природой. Такая направленность книги одного из авторитетнейших современных археологов особенно важна, потому что зарубежные буржуазные археологи усиленно стремятся «опровергнуть» закономерности исторического развития, представить первобытную историю в виде хаоса рас, селящихся одна на место другой, истребляющих друг друга и обладающих каждая изначально присущей ей техникой и культурой. Огромный, тщательно проанализированный фактический материал, обобщенный в книге П. П. Ефименко, не оставляет камня на камне от этих расистских схем.

В посвященных палеолиту работах современных зарубежных буржуазных археологов почти безраздельно господствует «теория культурных кругов», являющаяся одним из проявлений расизма. Работы Мортилье и других прогрессивных эволюционистов прошлого третируются. Ценной особенностью рецензируемой книги является то, что на всем ее протяжении дается обстоятельная, обоснованная большим фактическим материалом, принципиальная критика буржуазных расистских построений (стр. 84—

85, 114, 120—122, 172—173, 256—257, 321—323, 412—414 и т. д.). П. П. Ефименко показывает то ценное, что есть в работах прогрессивных буржуазных археологов XIX в., например в археологической периодизации Мортилье, но, разумеется, не принимает их безоговорочно, вскрывает их историческую ограниченность, а огонь своей критики направляет против таких представителей современной зарубежной реакционной археологической науки, как Брейль, Обермайер, Мовиус и другие. Критикуя расистские схемы «культур отщепов», «культур рубил» и т. п., П. П. Ефименко разоблачает характерную для буржуазных археологов склонность видеть в кремневом инвентаре самодовлеющую область культуры со своими особыми законами развития наподобие законов развития живых организмов (стр. 103—104). Ценна и содержательна критика П. П. Ефименко методики раскопок палеолитических поселений, господствующей и по сей день среди буржуазных археологов (стр. 358—359). Ведь именно отказ от этой методики и выработка взамен нее новой позволили советским исследователям открыть многочисленные и разнообразные позднепалеолитические жилища. Как известно, использование опыта, накопленного в этой области советскими учеными, позволило археологам народно-демократической Чехословакии также открыть в 1948—1952 гг. позднепалеолитические жилища в таких поселениях, как Долни Вестонице, которое до этого раскапывалось в течение многих лет, Барца II и др.

Мы остановились на некоторых особенностях и принципиальных установках рецензируемой книги. В большом обобщающем труде неизбежны спорные, недостаточно аргументированные положения, более или менее смелые гипотезы. Есть они и в книге П. П. Ефименко, отдельные положения которой несомненно вызовут немало критических откликов.

Неясна позиция автора в отношении синантропа. С одной стороны, автор сопоставляет Чжоу-коу-дянь с нижним культурным слоем Клик-Кобы и с другими аналогичными стоянками, замыкающими ашельское время (стр. 141—142), а с другой стороны, он сопоставляет синантропа с ранним ашелем (стр. 144). Для читателя остается неясным, является ли синантроп представителем древнейших людей, формой, весьма близкой к питекантропу (такой взгляд рецензент, в согласии с большинством советских антропологов, считает единственно правильным), или же это была примитивная разновидность неандертальца, открывающая собой мустьерскую эпоху.

Трудно согласиться с утверждениями автора, что Рейн является границей распространения ручных рубил шелльских типов (стр. 111) и что достоверные ашельские памятники отсутствуют в Средней Европе (стр. 160). На территории Германии и Чехословакии открыт за последние годы ряд ашельских и более древних местонахождений. Некоторые отголоски сюда факты приводит С. Н. Замятин². Напрасно автор не подчеркивал материалы имеющей большое принципиальное значение статьи С. П. Замятина «О первоначальном заселении пещер»³.

В связи с встречающимися в тексте книги термином «клектон» следует сказать, что настало время советским исследователям отказаться от употребления этого расплывчатого и путаного термина, в который буржуазные археологи вкладывают расистское содержание. Ограничить «клектон» позднеашельским временем, как это делает автор, нельзя, так как ряд «клектонских» местонахождений Англии и Франции относится к самому началу плейстоцена. То, что обычно понимают под «клектоном» на Западе, это шелльская и ашельская техника получения кремневых ядриц и отщепов, но трактуемая с расистских позиций и искусственно противопоставляемая шелльской и ашельской технике обработки рубил.

Весьма спорной и недостаточно аргументированной является гипотеза автора (стр. 325) о том, что нижний культурный слой Тельманской позднепалеолитической стоянки в Костенках оставлен носителями южной, каппсийской культуры, пришедшими сюда откуда-то из Причерноморья. Культурные остатки, найденные в нижнем культурном слое Тельманской стоянки, действительно во многом напоминают крымскую пещеру Сюрень I. Но и мустьерские находки, сделанные в крымских пещерах, во многом напоминают мустьерские находки, сделанные в более северных районах Русской равнины. Возможно, что не только развитие мустьерской культуры носило в общем сходный характер у первобытных обитателей Крыма и Русской равнины, но и в сходных формах совершился у тех и у других переход от мустьерской эпохи к позднему палеолиту. Лишь в дальнейшем оформились довольно существенные различия техники и хозяйства у позднепалеолитических обитателей европейской приледниковой и африкано-средиземноморской областей.

П. П. Ефименко упоминает открытия, сделанные за последние годы исследователями палеолита в Чехословакии и в Венгрии, но делает это чрезмерно кратко. Рецензируемая книга значительно бы выиграла, если бы в ней были подробно описаны и критически проанализированы, в сопоставлении с материалами палеолитических поселений СССР, интереснейшие материалы таких палеолитических памятников Чехословакии, как Нова Дратеничка, Мораваны, Долни Вестонице, таких палеолитических памятников Венгрии, как Ишталлошко и т. д. Археологи стран народной демократии,

² С. Н. Замятин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», стр. 101—102. См. также L. F. Lotz, Absteinzeitkunde Mitteleuropas, Stuttgart, 1951.

³ «Краткие сообщения ИИМК», XXXI, 1950.

несомненно, с большим интересом ознакомились бы с таким анализом и сопоставлениями.

В разных местах книги, в связи с рассмотрением тех или иных вопросов, по частям освещается развитие науки о палеолите в XIX и XX вв. и ярко показаны достижения отечественных исследователей палеолита. Но отсутствие специального историографического раздела, в котором развитие науки о палеолите было бы последовательно изложено, бесспорно является недостатком рецензируемого труда. Книга выиграла бы и от присутствия в ней хотя бы небольшого заключительного раздела, кратко подытоживающего весьма обширный текст. В настоящем своем виде изложение как-то обрывается.

Наконец, два слова об иллюстрациях. Книга тщательно иллюстрирована. Иллюстрации являются в большинстве своем свежими и интересными. Особенно ценны ранее нигде не публиковавшиеся репродукции костяных изделий и произведений искусства из раскопок П. П. Ефименко в Костенках I. Но описание некоторых первоклассных палеолитических памятников СССР вовсе не подкреплено иллюстративным материалом (древнепалеолитические местонахождения Абхазии, Тешик-Таш, стоянка Талицкого, Пушкари, Супонево и др.). Жаль, что в книге отсутствуют и специально составленные сводные, обобщающие таблицы, иллюстрирующие описание отдельных памятников или их групп.

Заключая, отмечу, что книга П. П. Ефименко представляет собой фундаментальный труд, подытоживающий не только почти пятидесятилетнюю деятельность ее автора в области археологии СССР, но и достижения всего коллектива советских исследователей палеолита. Книга П. П. Ефименко представляет крупнейший вклад в советскую историческую науку. Несомненно, что она долгое время не только будет являться настольной книгой для советских и зарубежных археологов и историков, но послужит фундаментальным справочником и для более широких кругов читателей, работающих в области смежных дисциплин.

Сопоставление рецензируемой книги с ее первым изданием (П. П. Ефименко, *Дородовое общество*, Л., 1934), вышедшим около 20 лет назад, демонстрирует серьезные успехи советской археологической науки за истекшие два десятилетия. Не показательно и другое. Прошло меньше двух лет с момента сдачи в печать текста рецензируемой книги, а последний уже нуждается в серьезных дополнениях новыми материалами, открытыми советскими исследователями палеолита и не успевшими попасть в книгу. Только за истекшие два года открыты древнепалеолитические местонахождения в Юго-Осетии и на Средней Волге, раскопана мустьерская стоянка в Сталинграде, открыта новая мустьерская пещера близ Бахчисарая, открыты три палеолитических погребения в Костенках, обнаружено немало новых палеолитических стоянок и местонахождений на Украине и в азиатской части СССР. Анализ и историческому освещению этих вновь открытых материалов будет в немалой степени содействовать книга П. П. Ефименко.

П. Борисковский

НАРОДЫ СССР

Академия наук Латвийской ССР. Институт истории и материальной культуры. *История Латвийской ССР*, т. I, Рига, 1952¹.

Выход в свет I тома трехтомной «Истории Латвийской ССР» на латышском и русском языках является крупным событием в культурной жизни латышского народа и вместе с тем значительным достижением советской исторической науки. В работе над созданием I тома участвовал сравнительно небольшой авторский коллектив, возглавляемый лауреатом Сталинской премии чл.-корр. АН СССР Я. Я. Зутисом. В число авторов входят сотрудники Института истории и материальной культуры Академии наук ЛССР Т. Я. Зейд, М. К. Степерман, Б. Р. Брежго, В. В. Дорошенко. Раздел первый «Первобытно-общинный строй на территории Латвийской ССР» написан археологами — проф. Х. А. Моора (АН Эстонской ССР) и Э. Д. Шноре (сектор археологии Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР).

Книга представляет собой первый марксистский труд по истории Латвии. При оценке научного значения проделанной работы следует учитывать те огромные трудности, которые стояли перед авторами, особенно на первом этапе подготовки к изданию этого капитального труда. До настоящего времени не было каких-либо обобщенных, систематизированных трудов по истории Латвии. Ряд важнейших вопросов из ее истории не был ранее вообще изучен. На протяжении столетий историю латышского народа представляли в искаженном свете немецко-балтийские дворянско-буржуазные историки, позднее ее беззастенчиво фальсифицировали латышские буржуазные националисты.

¹ «История Латвийской ССР» (том I) на русском языке вышла в свет в конце 1952 г., на латышском — в 1953 г.